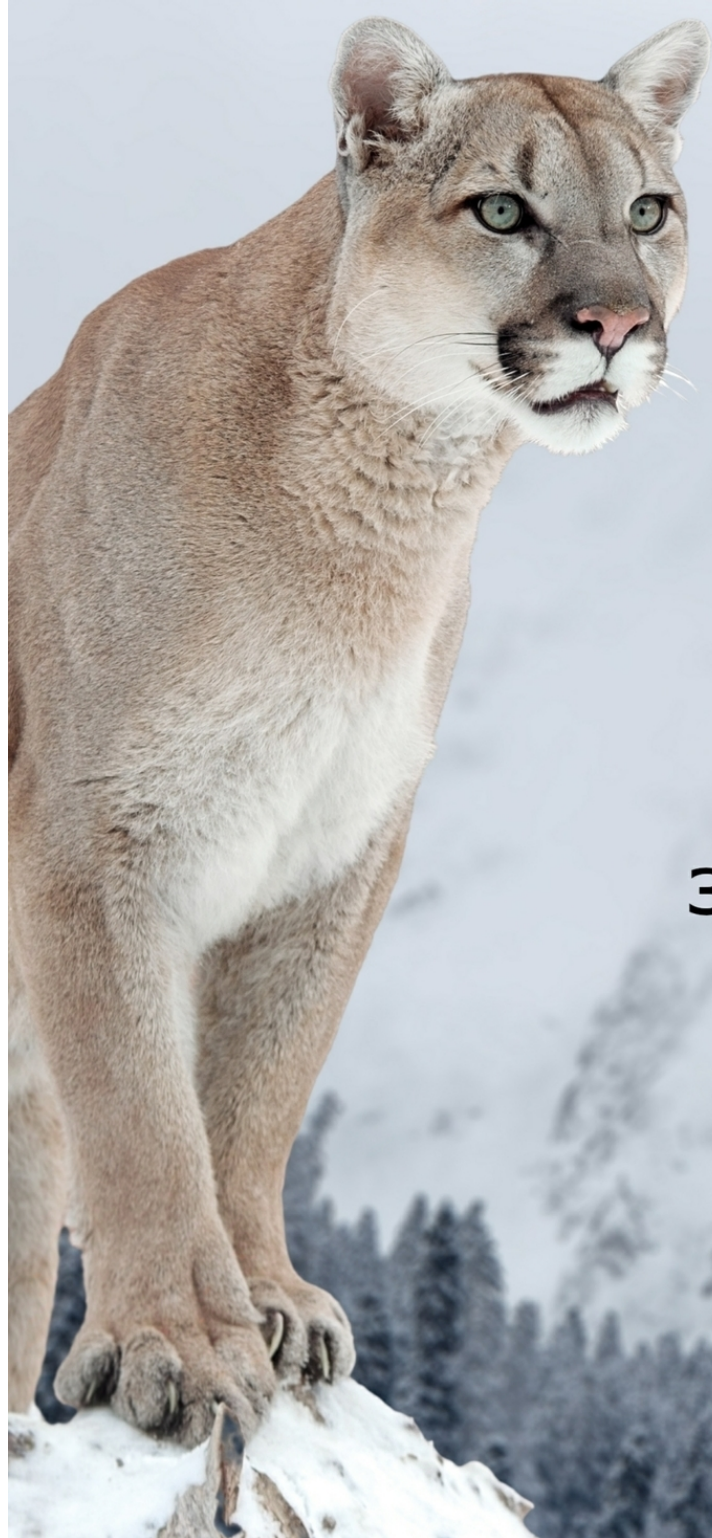

Константин Хайт

Кошачья жизнь
Олега Матвеева

Сказка о том,
как правильно
заблудиться в лесу

0+

Константин Хайт

Кошачья жизнь Олега Матвеева

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Хайт К. А.

Кошачья жизнь Олега Матвеева / К. А. Хайт — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Однажды мои сыновья, а сыновей у меня много, обнаружили, что им не хватает хорошей книжки. Такой, чтобы и зверушки, и приключения, и война, и гоблины - но все это сейчас, а не во времена Маугли. Чтобы вышел завтра за порог городской квартиры - и на тебе сказка, причем обязательно с котиками. Ну что это в самом деле за сказка без котиков? В общем, задача для мировой литературы не из легких. Почесал папа за левым ухом, потом почесал за правым, наточил авторучку - и понеслось. Сыновья выросли, теперь уже и сами пишут - в стихах и в прозе. Сказки им больше тоже ни к чему: взрослая жизнь интереснее любой сказки. Но нет-нет, да промелькнет в разговоре грозный Умяка, а Леша, кажется, до сих пор уверен, что остров Котлин бывает только в кошачьих сказках.

Содержание

Глава первая. Клюква и корабли	5
Глава вторая. Фыртаун	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава первая. Клюква и корабли

Олег давно не называл мать «мамочкой». Для этого он считал себя слишком взрослым, серьезным и самостоятельным. Девять лет – не возраст для сюсюканья и фамильярностей. «Мамочка» – это для лялек с их машинками, кубиками и плюшевыми зверушками. Олег давно перерос ребяческие забавы и телячьи нежности. Год-другой, и для него настанет пора учиться водить самый настоящий автомобиль! А от автомобиля рукой подать до корабля, самолета... И, чем черт не шутит, быть может годам к двадцати ему удастся освоить звездолет или, скажем, межпланетный глайдер! Свою жизнь в двадцать лет Олег представлял весьма смутно, но был уверен, что к тому времени ему предстоит совершить нечто грандиозное.

-Мама! Мама!! Мамочка!!!

Он стоял посреди маленькой, заросшей осокой поляны, и кричал что есть мочи, совсем охрипнув от ужаса и натуги. Олег не знал, где находится, где искать родителей или хотя бы кого-нибудь, кто смог бы ему помочь. Он лишь чувствовал, что потерялся, и от этой мысли все в нем сжималось, а из глаз непрерывным потоком хлестали слезы.

Справа и слева простиралось бесконечное клюквенное болото. Редкие елки торчали над кочками то там, то тут. Вдалеке, страшно далеко, мрачно темнел лес. И нигде, совсем нигде не было видно ни единого человеческого существа.

Наконец, совсем осипнув и ослабнув от крика, Олег замолчал. Он присел на кочку, подпер голову рукой, и попытался рассуждать спокойно и обстоятельно, как учил отец.

Итак, он потерялся. Совсем потерялся. Давно. Если бы он потерялся недавно, то родители, разумеется, уже нашли бы его. Но его не нашли. Наверное, он засиделся в малиннике, а затем спутал тропинку, ушел в сторону и теперь папа с мамой, папочка с мамочкой – тут из глаз Олега опять поневоле брызнули слезы – разыскивают его где-нибудь совсем в другом месте.

Лучше всего будет сидеть и ждать. Папа всегда говорил: если потеряешься, ни в коем случае нельзя нестись куда-то сломя голову. Ведь искать-то его будут там, где потеряли...

Он стал сидеть и ждать. На болоте было холодно, сыро и неудобно. Солнце, как назло, все время заслонялось тучами и время тянулось неправдоподобно долго.

Олег ждал, ждал, но кругом была лишь все та же зловещая тишина, мрачное суровое молчание увядающего осеннего леса.

Значит, его ищут не там. Кто знает, сколько он уже успел пройти по неправильной тропинке совсем в другую сторону? Скоро вечер. Ночью в лесу папа с мамой его не найдут. Они пойдут на станцию, будут звать подмогу, приедут спасатели, прилетит вертолет... Но все это будет утром. Олег представил, что ему придется ночевать в лесу и с трудом подавил рыдания. Потом взял себя в руки.

Нет смысла сидеть тут, одному, на сыром промозглом болоте. Если он промочит ноги, подхватит насморк и заболеет, лучше от этого никому не станет. Нужно идти в лес, где посуше, найти там хорошую солнечную полянку... Какая разница, где его найдут – там или здесь: вертолет летит быстро и видно с него далеко.

Осторожно перепрыгивая с кочки на кочку, тщательно избегая ровных заросших мхом прогалин – на болоте, он знал, легко можно провалиться в трясину, а оттуда не вытянешь себя за волосы, если, конечно, ты не Мюнхгаузен – Олег выбрался на высокое место. Дальше начался глухой сосновник, заросший черничными и брусничными кустиками и сплошь покрытый упавшим, или еще торчащим над землей сухостоем.

Найти подходящую поляну оказалось непросто. Иногда Олегу казалось, что впереди, то справа, то слева, между плотно стоящими соснами виднеется просвет, и он направлялся туда,

с усилием пробиваясь через валежник, обходя вырванные с корневищем сушины и стараясь избегать низких мест, чтобы не промочить кроссовки. Наконец, впереди заиграло солнце, и с трудом перебравшись через пару особенно гнилых стволов, Олег выбрался на прогалину. Здесь он остановился и осмотрелся по сторонам. Первая волна страхов уже отхлынула, и настроение постепенно начало улучшаться. Один в лесу – это все-таки какое-никакое приключение.

Прогалина оказалась длинной и, к большому удивлению мальчика, необычной. Посреди нее виднелась отчетливая глубокая колея – след колес. Давнишний, может прошлогодний, а может и еще более старый – Олег, городской житель, был, разумеется, никудышным следопытом, но вполне недвусмысленный. Когда-то здесь была дорога. Не шоссе, нет, но узенькая грунтовка по которой легко мог бы проехать трактор, а может даже и грузовик.

Олег немного подумал. Вертолет, очевидно, полетит надо дорогой. Спасатели тоже пойдут по ней. Значит и ему тоже следует идти по дороге. Нет смысла стоять тут, как истукан: если он пойдет вперед, все-равно в какую сторону, то либо рано или поздно выйдет к людям, либо люди сами его найдут. И мальчик решительно зашагал на восток.

Шел он долго. Несколько раз ему приходилось останавливаться – иногда чтобы обойти поваленное дерево, в другой раз – чтобы набрать немного брусники и подкрепиться. Однажды он заметил в стороне довольно высокий холм. Сперва Олег решил было свернуть и взобраться туда: с холма наверняка можно было увидеть окрестности, но начинало смеркаться, и все детские страхи зашевелились вновь. Олегу не терпелось выбраться к людям до темноты, и он шел все вперед и вперед, постепенно, несмотря на усталость, ускоряя шаг и не замечая, что дорога становится все уже, следы колес куда-то пропали, а деревья, раньше державшиеся на почти-тельном расстоянии, снова почти сомкнулись над головой. Он остановился лишь тогда, когда от широкого проселка не осталось даже едва заметной тропинки. Олег снова был в лесу, темном и мокром, а солнце между тем уже садилось.

Сперва ему захотелось сесть и заплакать. Потом он решил, что нужно забраться на дерево и переночевать. Это была хорошая идея: Робинзон Крузо на месте мальчика непременно поступил бы также. Но Олег чувствовал, что устал, его руки и ноги вовсе не горели желанием взбираться по веткам, и он был далеко не уверен, что сможет просидеть всю ночь на суку и не упасть. С этой мыслью он прошел еще километр, а может два и неожиданно вышел к реке. Речка была неширокая, но в сумерках невозможно было понять, насколько она глубока, и Олег не решился переходить ее вброд. Он побрел вдоль берега, а лес кругом ныл и скрипел, качаемый все усиливающимся вечерним бризом.

Когда по реке уже засновала легкая рябь, а из сумрачных чащ начали чудиться вой, уханье и бормотание, Олег увидел лодку. Она стояла на песчаной отмели под огромной раскидистой елкой, одна-одинешенька без намека на пристань или тропинку вокруг.

Весел в лодке не было. В ней вообще ничего не было, если не считать веревки и увесистого камня, вероятно заменявшего якорь. Мальчик подумал, что если вытолкнуть лодку на середину реки и встать там на якорь, то это будет куда безопаснее, чем ночевать на дереве и, тем более, на земле. Не колеблясь ни секунды он залез внутрь, оттолкнулся от берега и медленно поплыл вниз по течению, только сейчас сообразив, что вернуться назад будет куда сложнее. Делать, впрочем, было нечего. Олег выбросил за борт камень и, убедившись, что его ладья остановилась, улегся на дно и моментально заснул.

Проснулся он от холода. Стоял глухой предрассветный час, когда солнце еще не вышло из-за горизонта и не согрело землю вялыми осенними лучами. Кругом было темно. Олег приподнял голову и к своему ужасу увидел, что лодка вовсе не стоит больше на якорь, но мчится по течению реки, которая в этом месте разлилась, сделалась невероятно широкой и стремительной. Затем, по мере того, как его глаза осваивались с темнотой, мальчик разглядел впереди себя покрытую шерстью спину. Зверь сидел на носу лодки и стремительно гнал ее впе-

ред, поочередно погружая в воду мощные лапы то с левого, то с правого борта. Ему не нужны были весла, каждый гребок толкал лодку так, что казалось, будто она сейчас начнет кружиться, словно волчок. Но следовал новый удар лапы по воде, затем еще, еще... вода вспенивалась вокруг бортов, за корму убежали белые светлячки водоворотов.

Затем Олег ощутил на себе чей-то взгляд. Он быстро обернулся и увидел рядом с собой два горящих зеленых глаза.

– Ну как настроение?– раздался из темноты голос, отдаленно напоминающий кошачье мурлыканье, но вполне внятный, хотя и негромкий. Голос несомненно принадлежал обладателю светящихся зрачков, хотя поверить в это было трудно.

– Ерунда,– сонно пробормотал Олег,– кошки не разговаривают.

– Ясное дело не разговаривают,– насмешливо отозвался тот же голос.– А о чем с вами, человеками, разговаривать? «Ну-ка Мурочка, выпей еще молочка?» «Виктор Васильевич, насыпьте мне, пожалуйста, свежих опилок?».

Олег недоверчиво тряхнул головой. Спать ему больше не хотелось.

– Везучий ты, однако,– заметил голос.– Лично я бы ни за что не стал ночевать в лесу, где водятся гоблины, да еще так близко от их лагеря.

– Какие гоблины?– озадаченно спросил Олег. Разговаривать с кошкой было как-то неестественно.– Гоблины же бывают только в сказках.

– Угу,– отозвался большой зверь, продолжая методично рассекать воду ударами лап,– гоблины в сказках, коты не разговаривают, а пумы водятся исключительно в западном полушарии.

Олег, чьи глаза уже успели привыкнуть к темноте, пригляделся внимательнее. Зверь на носу лодки казался самой настоящей пумой, или кугуаром, кому как приятнее называть. Между тем, мальчик отлично знал, что в наших краях пуму можно встретить разве что в зоопарке. Тут было о чем подумать.

– Постойте,– сказал он, наконец, так и не придумав ни единого объяснения,– но если бы в здешних лесах водились гоблины, их бы непременно заметили! Это ж не джунгли, здесь люди живут.

– Э, дорогой,– большой полосатый кот с длинным пушистым хвостом осторожно перебрался на корму лодки,– после встречи с дюжиной гоблинов рассказывать об этом обычно некому. Впрочем, днем они не появляются и от людей держатся подальше, если не уверены наверняка, что справятся со всеми и сразу. Но не думаю, что это относится к маленьким мальчикам, заблудившимся в чащобнике прямо перед их лагерем.

Олег вздрогнул. Он никогда не видел гоблина, ни живого, ни даже чучела, более того, он вовсе не верил в их существование, но кругом было так сумрачно и тоскливо, что неприятные мысли укоренялись в голове с небывалой охотой.

– Скажите,– спросил он робко,– вы отвезете меня домой? К маме?

При мысли о маме он чуть не разрыдался.

– Извини, приятель,– заметил кот, который, несмотря на маленький рост, видимо, был старшим.– Мы бы с радостью. Но нам вовсе не улыбается окончить жизнь на гоблинской пики, а кроме того, у нас важное дело, и нам нельзя попусту терять время.

– Куда же мы тогда едем?

– Хм... Для начала придется отвезти тебя к командору. Мы ведь всего лишь разведчики, обыкновенные моряки, а твое дело хитрое, и в такие нам встречать не положено.

Мальчик замолчал. При виде широкой кугуаровой спины, ему страшно было представить, каков из себя этот загадочный командор. Кроме того, сейчас ему было над чем поразмыслить и без новых вопросов.

– Ты вот что,– сказал кот после некоторого раздумья,– прилег бы, да подремал малость.

– Спасибо. Я спать не хочу.

– А ты все-равно приляг, – повторил кот настойчиво. – Река тут узкая, а дальше будет еще уже. Гоблинам с берега все видно. На нас с Умякой они не нападут: Париж, знаешь ли, не стоит мессы, но если тебя заметят – точно бросятся.

Олег опустил на влажное дно лодки.

– А почему они именно на меня бросятся? – поинтересовался он, переворачиваясь на спину.

– Лежи-ка тихо, – посоветовала пума басовитым шепотом, которого почему-то очень не хотелось слушаться.

Мальчик перевернулся на бок, подложил под голову руки и, убаюкиваемый ровным плеском воды за бортом, снова погрузился в сон.

* * *

На этот раз никакого неба над головой не оквзалось. Леса тоже не просматривалось, равно как и ничего другого, кроме гладко струганных досок без сучков, трещин и щелочек.

Олегу раньше не доводилось бывать в море, но по плеску и качке он догадался, что находится на корабле.

Кроме мальчика, в крошечной каюте не было ни души. Олег полежал немного в надежде, что за ним придут, но никто не являлся. Постель была жесткая, неудобная, вместо одеял и подушек на ней было только рыжее покрывало из материала, удивительно похожего на собачью шкуру. Поворочавшись под ним немного, отчего вся его одежда покрылась толстым слоем шерсти, Олег решительно поднялся и потянул в сторону раздвижную деревянную дверь.

На палубе было прохладно, дул довольно сильный ветер, откуда-то слева иногда долетали мелкие брызги.

Посреди палубы в кольце троса сидел Умяка и тер морду широкой когтистой лапой. От пальцев до сгиба – правильно ли называть его локтем или все-таки коленом Олег не знал – у него виднелся длинный застарелый шрам, частью заросший шерстью, частью голый широкий и красный.

– Проснулся? – спросила пума неприветливо. Вообще вид у нее был довольно угрюмый, а манера разговаривать – лаконична до неприличия. – Тогда идем к командору.

Умяка отворил еще одну раздвижную дверь, деревянную, как почти все на корабле, и ввел мальчика в небольшую рубку. Львиную долю помещения здесь занимал невысокий стол. Какого-либо подобия стульев или скамьи вокруг него Олег не заметил, зато сразу разглядел огромную карту, занимавшую всю поверхность стола и местами свешивающуюся вниз. Прямо на карте, ближе к краю, лежал крупный иссиня-черный кот и что-то сосредоточенно вычерчивал, зажав карандаш между когтями большого и указательного пальцев. Когда корабль встряхивало особенно сильно, кот вытягивал левую лапу и хватался когтями за сетку, натянутую под потолком каюты. Затем снова осторожно убирал когти и продолжал свое занятие, всячески стараясь не повредить бумагу.

– Командор Фэйтл? – осторожно позвал Умяка, когда стало ясно, что черный кот не обращает на них с Олегом никакого внимания.

– Минуточку, – отозвался тот.

Он провел еще несколько линий, поставил одну-две жирных черных точки и что-то ловко написал, энергично ворочая карандашом. Его быстрые движения ничуть не уступали человеческим, хотя, разумеется, ему должно было очень не хватать длинных ловких пальцев, которыми в отличие от кошек награждены Homo Sapiens.

Наконец, кот положил карандаш и перевернулся на бок, впери в мальчика внимательные сине-зеленые глаза с узкими зрачками. Он был черен от ушей до кончика хвоста, без еди-

ного пятнышка или отметины. Перейди этот котяра дорогу олеговой бабушке, она непременно крестилась бы и причитала до самого вечера.

– Разрешите представиться,– сказал командор после выразительной паузы,– Фэйтл-кот, капитан-командор военно-морских сил Кэтланда и прилегающих территорий.

У него был сильный, ни с чем не сравнимый мяукающий акцент, а гласные кот произносил так, что его речь временами становилась почти совершенно неразборчивой. Умяка и серый разведчик из лодки говорили по-русски куда понятнее и правильнее.

– Олег,– поспешил ответить мальчик, незаметно для себя слегка подражая мяукающей манере командора,– Олег Матвеев, третий «Б» класс...

– Ясно. Третий «Б» класс далеко, а ты здесь. Почему?

«Пожалуй, он еще неприятнее Умяки»,– подумал Олег. Он был достаточно умен и тактичен, чтобы не сказать этого вслух.

– Мы с родителями собирали клюкву, и я заблудился...

– Собирали клюкву в лесу Муррариу. А рыбу вы, вероятно, ловите исключительно на Зубастом рифе в сезон штормов? А на лыжах катаетесь под лавинами горы Анграбаш?

Олег смутился. Вероятно, девятилетнему мальчику следовало знать все эти названия, но до сих пор ему совершенно точно не приходилось слышать ни одного из них, и оставалось только смущенно мяться, пряча взгляд от сверлящих зеленых глаз командора.

– Заблудился...– черный кот, по всей видимости, размышлял.– Звучит правдоподобно. Люди – удивительно глупые и безрассудные существа, и они почему-то очень любят эту кислую красную гадость... М-р-р-р... Если бы гоблины хотели подослать к нам шпиона, они, вероятно, нашли б кого-нибудь пооборотистее.

«Тапком бы в него запустить»,– подумал мальчик, но, вместо того, чтобы сказать это вслух, спросил заискивающе:

– А Вы правда отвезете меня домой?

Командор Фэйтл издал шипящий звук.

– Домой? Увольте! Поверьте, у меня есть сейчас дела поважнее, чем возиться с пропавшими мальчиками. Кроме того, Муррариу сейчас кишит гоблинами, как потревоженный улей, и я не пошлю туда своих ребят даже за фунт минтая. Да-да, даже за фунт самого свежего минтая, черт побери!

Командор задумался. Его черный хвост яростно молотил по карте, хотя лапы и туловище оставались неподвижными.

– Конечно, самым политически правильным,– промяукал он себе под нос,– было бы утопить тебя в ведре. Это избавило бы нас от массы хлопот... Шутка,– прибавил он серьезно, заметив, что из глаз Олега вот-вот потекут слезы.

– Вот что,– решил он, наконец.– нам придется взять тебя с собой. Это довольно обременительно для всех сторон, и, к тому же, весьма опасно. Но посадить тебя здесь – рядом с гоблинами и вдали от людей, это будет похуже, чем утопить в ведре. А отвезти куда-нибудь в более приличное место – для этого у меня сейчас нет ни времени, ни ресурсов.

Он взялся когтями за сетку, перевернулся на живот и снова занялся картой.

– Пошли,– коротко сказал Умяка и подтолкнул Олега к дверям.

– Буду рад встретиться за завтраком,– не оборачиваясь бросил командор, но в его мяукающем акценте не было ни малейшего оттенка радушия.

Глава вторая. Фыртаун

– Стыдно признаться, но когда-то я был домашним котом. Украшением, так сказать, гостиной.

Серый разведчик подцепил когтями кусок вяленой говядины и принялся ее с хрупаньем пережевывать, без труда разгрызая хрящи и кости мощными челюстями. Представить этого быстрого сильного и гибкого зверя клянчащим блюдечко молока Олегу как-то не удавалось.

– Тогда меня звали Пушей... Пушочком... Да! Пушочком! Ур-р-р-р... Как убежал – сразу переименовался в Пу. Тоже не бог весь какое имечко, но «Пушочек» – это уже беспредел.

Олег вежливо кивнул и принялся за тушеную рыбу. Слева от него Умяка молча обглаживал баранью лопатку. Смотреть в его сторону было страшно: пума поглощала мясо с умопомрачительной скоростью. Перед тем, как отправить в рот очередной кусок она открывала огромную красную пасть и проводила шершавым языком по длинным белым зубам, способным вызвать трепет у любого дантиста. Казалось, дай ему волю, Умяка легко поглотит все содержимое камбуза.

– Я,– продолжал Пу, оказавшийся куда разговорчивее товарища,– потому и пошел во флот. Воды я не боюсь: меня, если хочешь знать, каждый день в ванной купали, языкам обучен, люди от меня не шарахаются...

При этих словах он бросил выразительный взгляд на Умяку.

– Страшновато иногда, конечно. Но у кошки, сам знаешь, девять жизней, так что еще пяток я в запасе имею.

Не договорив, он вдруг вскочил на четыре лапы, потом оторвал правую от дощатого пола и замер, словно в приветственном салюте. Умяка и все двадцать или тридцать представителей семейства кошачьих, сидевшие справа и слева от Олега, сделали то же самое. Стремительной побегом в столовую вошел командор Фэйтл. Он быстро отсалютовал собранию, молча опустился перед низким помостом, заменявшим стол, и принялся за еду. Прочие последовали его примеру. Пережеывая свой кусок, Олег не мог не отметить, что настроение собравшихся в столовой неожиданно изменилось. По примеру начальника все стали собраны и сосредоточены, даже Пу умолк и преисполнился собственного достоинства. Очевидно, командора здесь уважали, если не чтили.

«А с виду – обычный черный котяра, не крупнее прочих. Умяка умял бы его с одного укуса».

Без пушиной трескотни мальчик быстро заскучал. Ему, впервые оказавшемуся вдалеке от родителей, да еще в столь необычном, прямо-таки неправдоподобном обществе, хотелось узнать все и обо всем. Наконец, Олег набрался храбрости:

– Скажите,– обратился он к Фэйтлу и десятки глаз, оторвавшись от мяса и рыбы, устремились в его сторону,– а этот лес Муррариу и вправду такой страшный? Мне кажется там вполне обыкновенное болото...

Командор положил себе когтистой лапой кусок копченой свинины и поднял голову.

– Обыкновенное болото? Ну да. Все болота в общем-то обыкновенные, даже малярийные джунгли Суринама и мангровые заросли Борнео. Муррариу тоже вполне обычный заболоченный сосновый лес. И он ничем не отличается от других заболоченных сосновых лесов. Кроме четырнадцати тысяч гоблинов, разумеется.

– Четырнадцати тысяч?

– Вроде того. Если, конечно, Пу с Умякой не обсчитались.

Пу сердито фыркнул – сама мысль об этом была для него оскорбительна.

– Четырнадцать тысяч? Но почему тогда я не видел ни одного из них?

– Потому что гоблины, молодой человек, не такие уж дураки. С тех пор, как у людей появились дробовики, многозарядные карабины, картечь и ракетницы, они предпочитают не связываться с вашим народом. А если нападают – то только в полной уверенности, что не упустят добычу ни живой, ни мертвой. Они ни за что не показались бы на открытом месте, когда весь лес полон грибниками и туристами, тем более засветло. Но останься ты один в лесу ночью... Четырнадцать тысяч ты бы, конечно, не увидел, но полдюжины – наверняка. Боюсь только, очень ненадолго.

И Фэйтл снова принялся за копченую свинину.

Некоторое время Олег размышлял, пытаясь усвоить услышанное. Затем открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но в этот момент откуда-то сверху раздался треск, будто кто-то что есть мочи колотил палкой деревянную погремушку. Половина собравшихся вскочила и во главе с командором бросилась на палубу. Мальчик увидел перед собой полосатую спину Пу и побежал следом.

Наверху стоял дым коромыслом. Коты суетились, тащили веревки, закрепляли разные предметы, поразительно ловко завязывая лапами сложные узлы. С крыши высокой рубки несло непрерывное фыркающее мяуканье: Фэйтл отдавал непонятные указания матросам и офицерам корабля. Видно было, что надвигается что-то неординарное.

Сперва Олег думал, что на них напали. Четырнадцать тысяч гоблинов в лесу Муррариу возбуждающе подействовали на его воображение. Но затем он увидел над горизонтом огромную черную тучу, постепенно затягивающую небосклон, и все понял.

Все были наготове, но все же первый шквал ударил внезапно. Олег не знал, что шквалы всегда налетают внезапно, впрочем, это знание не помогло бы ему удержаться на ногах. Судно вдруг накренилось чуть ли не до самой воды, палуба, и без того качающаяся и неустойчивая, ушла из-под ног, и мальчик кубарем покатился к подветренному борту. К счастью для себя, Олег успел ухватиться за натянутую вдоль борта сетку и, не без усилий, подняться – сначала на четвереньки, а затем и во весь рост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.